

Сергей Филатов

Родился в 1961 году в Омске. Окончил Алтайский политехнический институт, учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Стихи и проза публиковались в краевой, российской и зарубежной периодике, в коллективных сборниках, в различных антологиях. Автор семи поэтических книг и четырех книг прозы. Состоит в Союзе писателей России. Живет в Бийске.

ГДЕ-ТО ИДЁТ ВОЙНА...

— **В**ы только гляньте — кто!.. В кои-то веки Галчонок в гости залетел! — очень громкий, не менее большой, седой весь, Василий Михайлович Литовченко весело гремяет густым басом, широко раздвигая руки, приветствуя щуплую девчонку-подростка со смешным хвостиком русых волос, стянутым на затылке резинкой. — Что, опять, наверно, свои кровно заработанные принесла? Сколько ж можно на войну-то?.. Братишке малому оставь хоть немного, на «ляльки»!

— Здравсьте, дядь Вась! Чего говорите-то, какой же Гога малой, в четвертом классе поди уже!.. Взрослый мужик. — Видно, что девочка тоже искренне рада встрече с Литовченко, и даже несмотря на разницу в возрасте, общается с ним свободно, как с другом.

Василию Михайловичу уже сильно за пятьдесят, но разговаривать с ним Галчонку-Гале, — которой только-только вот шестнадцать исполнилось, — почему-то просто и легко, почти как с отцом. Хотя, наверно, — проще. Отец, как-никак, родной человек, ему всего не расскажешь, да и разговаривать отцу сейчас с ней особо некогда. Он нынче все по сменам ходит.

Да и Галя с утра на учебе, а днем тоже подрабатывает. Опять же, вечерами Галя здесь, в офисе добровольцев Донбасса, чуть ли не каждый день пропадает. Потому и видится она с отцом редко, не говоря уже о том, чтоб как-то словом перемолвиться. А с дядей Васей сейчас почти каждый день общается. Это как в поезде, когда попутчик хороший попался, и пока вместе едете, можно с ним обо всем самом сокровенном переговорить. Потому как выйдет он, попутчик этот, на одной из следующих станций, или ты выйдешь — неважно, и больше никогда, скорее всего, вы с ним уже не встретитесь... Зато выговоритесь сполна.

Василий Михайлович — мужик надежный, настоящий, так про таких, как он, обыкновенно говорят. И словом не скривит никогда — скажет всегда прямо, что думает. Если радуется чему-то, то от души, ну а уж коли сердится на кого, то — тоже всерьез... Потому Гале даже просто так вот поговорить с ним после трудного учебно-трудоого дня всегда — как отдушина. Дядя Вася чаем, опять же, обязательно побалуует с печенюшками, вроде и ни о чем поболтаете, но всю усталость, за день накопившуюся, после таких разговоров как рукой снимет.

Комнатушка в офисе у «добровольцев» маленькая, тесная, действительно как купе в вагоне. Да и люди разные постоянно — то приходят, то уходят... Лица меняются, как листки в отрывном календаре. Обстановка здесь, конечно, простая, нехитрая: стол у окна, на нем компьютер, чайник электрический опять же... Пачка печенья распечатанная — перекусить, да гостей, таких, как Галя, угостить... Рядом — пачка документов, вокруг стола стул да пара скамеек, вешалка на стене прибита — вот и все, пожалуй.

А там вон, за дверью, за стенкой — склад, там места побольше будет. Только все оно почти сплошь коробками заставлено: консервы, тушенка, печенье, упаковки с питьевой водой — словом, много всего полезного и вкусного. И все это он, Василий Михайлович, председатель местного отделения Союза добровольцев, организует: и сбор, и сортировку, и отправку гуманитарки на Донбасс... Нынче там все это ох как нужно! И нашим ребятам, которые воюют, и местным, которые от украинских бомбежек да обстрелов пострадали. Судя по тем ужасам, что в телевизоре показывают, там, на Донбассе, сегодня горе и беда сплошь

да рядом ходят. Люди десятками гибнут, сотнями... — и взрослые, и дети даже — не приведи господь такого никому!

И все это огромное количество нужных вещей, что через склад ежедневно проходят — и продукты, и вещи — в офис люди приносят и привозят... Кто-то сам все это закупает, кто-то деньгами дает, как она — Галя. А сбор, комплектация, отправка — все это на дяде Васе. Сам он по торговым базам мотается на своей старенькой «Ниве», обычно с утра до обеда в разъездах, а после обеда тоже сам — здесь, на складе, с ребяташками-добровольцами из соседнего колледжа сортируют гуманитарку, по коробкам раскладывают, партии под отгрузку готовят. У ребят как раз занятия к этому времени в колледже заканчиваются, вот и приходят помочь.

Глядит на них Василий Михайлович и о своем думает, — никак он с теми не согласен, кто ворчит сегодня, мол, вся молодежь у нас нынче плохая, как и всегда было — разные они. Посмотришь: конечно, не такие, каким его поколение в детстве было. Нынешние подростки, информацией разной с головы до ног, считай, с рожденья пропитаны, может и не столь закаленные к различным жизненным перипетиям, более утонченные, хрупкие, что ли, но хорошие в основе своей ребята, и мысли у большинства из них правильные. Сейчас таких помощников модно еще волонтерами называть, только не к душе Литовченко слово это, какое-то не наше оно. Вот — добровольцы, скажем, это как-то более по-русски звучит, и более приятно для его уха. Здесь и «добро», и «воля» сразу вместе, в одном, соединились. И помогают они, ребяташки эти, конечно, сильно, грех этого не признать. Ведь их-то, штатных работников — добровольцев-донбассцев, здесь, в офисе, — раз-два и обчелся: он, еще двое мужиков, тоже из воевавших тогда, в четырнадцатом, да пожилая женщина-бухгалтер, которая всю отчетную документацию на себе везет. И когда бы они без помощи этих ребят-добровольцев со всем справились?.. А потому, от всего сердца — спасибо им огромное, ребяташкам этим, и поклон низкий до земли!

Вот и девчушка эта, Галя-Галчонок, тоже Василию Михайловичу сразу по душе прилась: шустрая, сообразительная, и рассуждает не по-детски совсем. Она тоже сортировать помогает, деньги приносит — сдает, и попробуй откажи ей, не возьми ту ее тысячу, — обидится.

Чем-то она — Галя-Галчонок — Василию Михайловичу дочку его сильно напоминает...

Наташа у них с женой поздним ребенком случилась, Марина ее уже ближе к сорока родила. И они на пару с женой буквально пылинки с дочки сдували, не могли на нее нарадоваться-наглядеться, особенно он, Василий Михайлович, — лелеял и баловал дочурку без меры. Был бы сын, наверное, наоборот бы все было, недаром говорят, что если дочь на отца похожа, а сын на мать, значит, счастливые.

Все, что с ней связано, и теперь он помнит, будто вчера случилось. Вот он ее в детский сад впервые на санках повез — там теплое одеяло подстелено, на котором дочка сидит, вся с ног до головы в шубку укутана да шарфом замотана, только нос и глаза из-под шапчонки видны... Вот они с Мариной в школу дочку проводили вместе — с большим букетом цветов, с бантами огромными на голове... А вот и одиннадцатый класс — Наташка на четверки-пятерки школу окончила — ну чем не молодец!.. На филфак в педуниверситет сама поступила — как и мечтала класса с восьмого. И все вроде нормально по жизни шло. Но случилось... — врагу не пожелаешь!

Марина в то время инженером на оборонном заводе работала после окончания института, а он после того же политеха, как в армии отслужил, по специальности ни дня не отработал. В полицию на службу устроился, сначала простым опером, потом до начальника отдела УГРО дорос. Лет пятнадцать в общей сложности в органах оттрубил, посмотрелся разного — и горя людского, и подлости, и трусости, и просто по-русски сказать — дерьма. Понял, выше майора ему никак не светит, и решил — хватит. Написал рапорт, уволился. Устроился в конце концов на тот же завод, где его Марина трудилась — пенсию побольше на старость заработать. Мастером в механический цех. Как-никак, и он все-таки на инженера учился... Думал, заживет без нервов, спокойно, в свое удовольствие. В саду ковыряться будут на пару с Мариной, дочку растить...

Но случилось — на первом курсе института какой-то выродок его Наташку и подружку ее на танцах ножом порезал. Когда это

произошло, Василию сразу позвонили, он мигом в отдел примчался. Даже осознать толком не успел — что и как.

Потом уже узнал от парней — бывших своих сослуживцев, подонок этот, со слов свидетелей происшествия, ни с того, ни с сего на девчонок набросился. Глаза, как все в один голос утверждали, дикие, красные, навывате, не иначе обожрался какой-то гадости и в мозгу что-то у этого гада переклинило, — нож выхватил и давай им размахивать...

Задержать его на месте происшествия не удалось: пока люди, которые опешили от случившегося, опомнились, пока кто-то из них милицию вызвал... — приехали, а его нет, гада, как сквозь землю канул. И никто не заметил, куда, в какую сторону. Подружке-то Наташиной вскользь по ребрам пару раз досталось, а вот дочке — три раза в живот!.. Крови Наташа много потеряла, когда Василий в больницу примчался, доктор — из операционной вышел, сказал виновато: «Сделали что смогли...» И добавил сухо, устало подняв глаза: «Характер полученных ранений несовместим с жизнью».

Вот так... Несовместим с жизнью... А ему-то — как теперь? Что делать? Жить как?.. Дикая злость и желание прямо сейчас собственноручно разорвать на куски этого подонка буквально выжигали Литовченко изнутри. Пять дней он безвылазно жил в райотделе, прямо в кабинете у бывших сослуживцев; самолично вместе с опергруппой множество разных значных мест объехали, перетрясли — там, где наркоши тусуются, где торгаши этой гадостью. Хорошо, товарищи рядом с ним были, не то бы натворил дел, многим бы этим не поздоровилось. И — нигде ни одной зацепки. Никто ничего не видел. И не слышал.

На шестой день они вдвоем в кабинете его товарища — начальника УГРО, который раньше у него замом был — достали бутылку водки из сейфа, начальник разлил по полстакана, руками развел, мол, сам все, Михалыч, понимаешь.

Выпили. Конечно же, все он понимал: если в течение трех дней по горячим следам не взяли, потом вероятность найти почти нулевая. Но это умом... а внутри кипело — не переставало: ублюдок! гад! фашист! хуже фашиста!..

Товарищ, чувствуя состояние Литовченко, еще по полстакана налил. Опять выпили. Вроде бы, злость приглушил немного,

только водки Василий совсем не ощутил, как вода внутрь провалилась, даже не обожгла. А там, внутри, вместо души — пустота образовалась, от обиды на себя, от невозможности хоть что-то сделать, что-то изменить.

— Значит, все?.. — спросил он товарища, хотя ответ и сам прекрасно знал. — Никакой надежды?..

Тот лишь взгляд притупил.

— Да ладно, — Василий посмотрел на него как-то очень спокойно, даже жутковато спокойно, от такого спокойствия обычно тревожно за человека становится, и сам разлил остатки. — Понимаю все. Давай.

Эта пустота внутри надолго в Василии поселилась. Иногда, правда, злость подкатывала к глотке, в голову ударяла, заглушала пустоту. Та самая, первоначальная злость: как же так? Наташу, дочку?.. За что?.. Ей жить, детей рожать... Фашист, гад!..

Внешне, на людях, Литовченко старался держаться, никак не показывал своего состояния, только глаза выдавали — пустые, жесткие, холодные.

А вот Марина, жена его, смерть Наташину перенесла тяжелее, если уж совсем точным быть, с большими для здоровья последствиями. У нее сразу инсульт случился. Одну сторону тела напроць парализовало. Ногу потом с божьей помощью врачи уколами привели в чувство, хотя и ходила прихрамывая, а вот рука так и повисла вдоль тела как плеть, без движения. Быстро сдавать начала, частенько часами у окна сидела потерянная, вся в себе. А Литовченко еще больше злился на себя из-за своего бессилия, из-за невозможности что-то изменить.

Схоронил Марину Василий Михайлович ровно год спустя после смерти дочери, так она и не оправилась после случившегося.

В офисе ветеранов-донбассцев под вечер уже не так суетно, практически все разошлись, остались председатель, один из его штатных помощников — он на складе посылки укладывает, да Галчонок вот еще залетел.

Василий Михайлович хорошо помнит, как девочка эта в первый раз в офисе появилась. Народу как раз в тот момент полно было, люди несли кто деньги, кто продукты. А она зашла, худая

такая, шуплая, встала у двери и... растерялась будто. Не знает, к кому обратиться, у кого спросить.

— Тебе чего, девочка? — спросил один из помощников Литовченко.

— Да мне это... Узнать, кому деньги сдать можно на помощь Донбассу?

— Деньги? А у тебя откуда деньги? Поди, мамка на обеды в школу дает, а ты не ешь — экономишь?

— Да нет, мама у меня сейчас воюет. На Украине. А деньги заработала я! Да и вообще, какая школа, в колледже я учусь.

— Ишь ты, в колледже! За-ра-бо-та-ла? Ну, тогда тебе вон к тому большому дядьке, — мужчина указал ей на Василия Михайловича, который в это время с интересом наблюдал их разговор со стороны.

Он тоже спросил девочку нарочито строго:

— Не врешь, точно заработала? — и, видя, как Галя нахмурилась, улыбнулся. — Ну раз заработала, ладно, давай. Запишем сейчас все в журнал для порядка. Вот, скажем, зовут-то тебя как?

— Галя!

— Стало быть, так и запишем, Галчонок прилетел, деньги в клювике принес.

Галя сперва хотела было обидеться на этого огромного дядьку — она же серьезно, чего дурачиться! — но, увидев его добрую обезоруживающую улыбку, поняла: нельзя на него рассердиться. Даже дружеское уважение и симпатию какую-то почувствовала. И Василию Михайловичу она тоже сразу приглянулась: серьезная девочка, ответственная. И самостоятельная.

Как он узнал позже, из разговоров, Галя уже учится на втором курсе колледжа на технолога по металлообработке, а работает после занятий курьером в оптово-розничной торговой фирме. Заказы на продукты клиентам по адресам доставляет. Фирма, где она работает, забавно так называется — «Самокат», об этом она тоже ему рассказала. И объяснила:

— «Самокат» — потому что курьеры все у нас на велосипедах продукты развозят. Удобно: уложил аккуратно заказ в рюкзак, рюкзак за спину — и вперед!

Конечно, устает девчонка нешуточно, но зато семье реально помогает. Сама так решила, что тоже уважения заслуживает, — как решила, так и сделала.

Мама у Галчонка медик, она сейчас по контракту служит. Постоянно по командировкам мотается: прошлый год в Сирии три месяца была, сейчас вот на Украине. А отец на оборонном заводе трудится. По сменам, практически безвылазно. Время такое нынче.

И что Гале сейчас, так вот, за чаем, вроде между делом, с кем-то своими переживаниями поделиться нужно, он тоже понимает. И про братишку своего младшего Георгия, который «он же Гога», Галчонок тоже с Василием Михайловичем делится. Про него вообще может много рассказывать, любит она его, это видно, но в строгости воспитывает. И права ведь! Как иначе, отец на работе в основном, мама на войне, вся ответственность на ком? На ней, на Гале. Гога, он пацан хоть и взрослый, как она утверждает, а приготовить поесть ему надо? Надо. Проверить домашку — тоже надо. С мальчишками в таком возрасте частенько бывает: маленько ослабишь контроль, может и глупостей всяких натворить — двоек понахватает или с компанией плохой свяжется — и не специально даже, просто по недомыслию.

— Ты давай-ка садись, Галчонок, чайком с тобой сейчас побалуемся, — Литовченко достает из ящика стола запасную кружку, прямо в кружках заваривает чай себе, Гале. — А то забегался я нынче совсем, так что и перекусить некогда. Составь уж дядьке компанию. Тебе чай-то как, погуще и сахара поболее? Или чтоб подкрашено было чуть-чуть, да не очень сладко?

— Чего уж там, погуще давай, дядя Вася. И сахара клади, не жмись.

— Понятно. Стало быть, опять в разгул с тобой пойдем! А, Галчонок?! Ты-то как к нам сегодня залетела: помогать останешься, или кровные свои мне по-быстрому скинешь, да опять бегом на своем самокате? — дядя Вася подмигивает Гале, как только он и умеет, с добродушной хитринкой, протягивает ей дымящуюся кружку. — На-ка вот, держи! Да гляди не обожгись. Горячо.

Галя в который раз уже смотрит на его изуродованную правую руку, два пальца — указательный и средний по нижние фаланги точно аккуратно срезаны чем-то острым.

Василий Михайлович перехватывает ее взгляд и усмехается:

— Опять культей моей любишься?

— Ниче не люблюсь, дядь Вась. Скажешь тоже, — виновато оправдывается Галя.

— Да ладно, — он машет рукой с обрубками пальцев. — Не обращай внимания, Галчонок. Я же так... Шучу.

Галя знает, пальцы эти дядя Вася потерял еще тогда, в 2014-м, когда вместе с другими мужиками-сибиряками добровольцем самостоятельно поехал защищать мирных людей на Донбасс. Как пальцы потерял, он никогда не рассказывает, а на вопрос, чего он туда поехал, отвечает: «Судьбою жизненных обстоятельств, но по велению души. И потому как просто по жизни терпеть не могу никакой несправедливости...»

Так-то оно так. Но первоначально тем самым главным и решающим жизненным обстоятельством, которое подтолкнуло уехать Литовченко на войну, были, конечно же, смерти его дочери и жены. Эх, Наташка, эх, Маринка... Что ж вы? На кого вы меня одного? Что я без вас?!

Схоронил он своих девчонок одну за другой, белый свет для него совсем померк. Какое-то безразличие на мужика навалилось, в депрессию впал. Потому-то, как только про Донбасс услышал, даже не раздумывал — рюкзак собрал да поехал войной горе убивать.

Опять же, какая-то цель у него появилась, не просто так — за правое дело, за людей, за землю русскую... Хотя это уже потом, там, на Донбассе, почувствовал неожиданно, словно вернулся на историческую родину, пусть даже не на свою, — родителей. Что с того!

Именно здесь, среди этих украинских поселков — Константиновка, Яковлевка, среди городов этих с чудными — Изюм, Краматорск, и родными такими — Славянск, Святогорск, — названиями, лежат где-то его дальние предки, в этой земле находятся его, Василия, корни, здесь родилась однажды и до сих пор родится его глубинная суть.

Конечно, сам он Украину не помнил, да и не мог помнить, поскольку родился уже в Сибири. Когда-то родители Васи

Литовченко, а именно в начале шестидесятых годов двадцатого века, переехали в Сибирь со Слобожанщины на строительство огромного оборонного завода. Того самого, где в советские времена работала почти четверть их небольшого города — отец Галчонка, его Марина, да и сам он, Василий Михайлович Литовченко, в свое время оттуда, с этого завода, на пенсию уходил.

Но теперь здесь, на Донбассе, тот самый голос крови, что будто таился доселе где-то в самых глубинных уголках памяти, под натиском не просто увиденного, но прочувствованного, прожитого душой, пробудился, воскрес в его сознании совершенно по-новому. Он увидел страдания донбасских детей и стариков, оставшихся без крова, увидел тела людей, буквально разорванные на части снарядами и минами. И вновь трясло его от гнева и обиды, что именно здесь, на этой доброй щедрой земле, к которой он проникся еще не вполне осознанным светлым чувством, творится жестокая несправедливость. Нелюди в облике людском зверски уничтожают этих ставших ему родными людей, отказывая им в праве разговаривать на языке, впитанном с молоком матери; любить то, что они любили с младенчества; в праве не просто жить, но и даже называться людьми. Повылазившее из самых темных закоулков времени, памяти, истории, возродившееся из небытия уродливое бандеровское отродье, — самые настоящие фашисты, наподобие того, который отнял у него дочку, теперь терзают и калечат землю его предков, разрывают ее на части, убивают.

Вернулся Литовченко с Донбасса домой в Сибирь без двух пальцев на правой руке и со смешанным чувством вины за свое бессилие и обиды за людей, которых киевские власти планомерно уничтожали даже в периоды затишья во время минского якобы перемирия.

Все кровавые события тех дней накрепко врезались в память. Временами боль притуплялась, но тотчас вспыхивала с новой силой, особенно по ночам, когда терялась грань между сном и явью и он не мог понять, где находится: дома или там, на Донбассе. Он часто просыпался от собственного крика. Сны разрывали его воображение на части и сами разлетались вокруг сотнями жалящих минных осколков.

Вспоминалось отступление от Славянска. Многие, большей частью диванные стратеги, теперь упрекают их за это. Конечно, если бы они с сотоварищами не были убеждены, что вернуться сюда, разве покинули бы этот город? Нет, остались бы умирать там. Рядом с ним воевало много местных, и настроение у всех было общее, оно заключалось в простом вопросе, который каждый задавал себе: «Почему я должен уходить со своей земли?!»

Покидать город было больно. В нем оставались брошенными мирные жители, которые верили в них. Поначалу все товарищи Василия серьезно готовились к отражению врага, к уличным боям, к защите города. Но за время коротких «перемирий», которые то объявлялись, то нарушались, украинские войска перегруппировались, подтянули к городу огромное количество бронетехники и тяжелой артиллерии. Начались бесконечные прилеты. К «Гвоздикам» и «Градам» добавились 152-миллиметровые «Акации», 240-миллиметровые самоходные «Тюльпаны», 300-миллиметровые «Смерчи».

Донбасские ополченцы стойко держали оборону. И лишь когда город был окружен полностью и снабжение боеприпасами стало невозможным, стало ясно: Славянск не удержать. Было принято решение уходить, чтобы сохранить наиболее боеспособную часть ополченческой армии, и, что тоже немаловажно, спасти город от полного уничтожения.

Уже тогда украинская армия начала применять тактику беспорядочного обстрела и разрушения городов, палила по площадям из тяжелой артиллерии, уничтожая не только защитников города, но и мирных жителей. После разгрома Николаевки массированный огонь был перенесен на Славянск. За несколько дней было разрушено много домов, в том числе и многоэтажек. Из довоенных ста двадцати тысяч жителей в городе осталось около пятидесяти тысяч. Кто-то успел уехать, многие погибли. С каждым днем оставшихся становилось все меньше. Это и послужило главным аргументом к отступлению. Но город это не спасло. Каратели, вошедшие в Славянск после двух месяцев осады, сполна выместили свою злобу на жителях.

Ополченцы выходили из Славянска с огромным трудом, проселочными дорогами, отвлекая противника ложным ударом

по блокпосту на шоссейной дороге Славянск — Краматорск. Многие ребята, входившие в группу прикрытия, навечно остались там. Ценой своей жизни они обеспечили выход основной колонны. Ее большая часть, попав по пути под обстрелы украинских разведывательно-диверсионных групп и потеряв несколько человек убитыми и ранеными, вышла к Краматорску, а на следующий день — к Донецку.

Василию везло. За все время боев в Славянске, во время отступления, он не получил ни одной царапины, хотя не прятался за других, напротив, вел себя отважно, порой даже неоправданно дерзко.

Пальцы Василий потерял в боях за Донецкий аэропорт. Прилет случился где-то за углом здания, взрыва Василий не видел, только услышал хлопок, землю под ним тряхнуло. Василий хотел укрыться в здании, запрыгнуть в него через окно первого этажа. Он машинально схватился рукой за подоконник, чтобы подтянуться, тут по пальцам и шибануло. Успел заметить, как от подоконника разлетелись в разные стороны массивные куски литого стеклоблока, обычно из таких прозрачные фрагменты стен выкладывают. Боли сразу не почувствовал, просто тупой удар, темнота, и звездочки в глазах. Сжал руку в кулак, присел на корточки и яростно закрутил головой, стараясь снова собрать пространство вокруг себя в единое целое. Он помнит, как потом вместе с другим ополченцем помог дойти раненному в ногу парню до медицинской палатки. Товарищ его разорвал футболку с себя, чтобы перетянуть парню ногу и остановить кровотечение. Хорошо, что медики базировались недалеко от линии соприкосновения, поэтому дошли быстро.

Одна из медсестричек, принимая у них раненого, глянув на Василия, строго спросила:

— А это у тебя что?

— А!.. Где? — переспросил он ее ошалело.

— С рукой что у тебя, спрашиваю? Ну-ка покажи!

Тогда только Литовченко и сам обратил внимание на свою окровавленную, сжатую в кулак руку. Разжал и увидел обрубки двух пальцев, от каждого по одной фаланге. Из раскрытой ладони на пол упала половинка его пальца.

«Наверное, второй на месте взрыва оставил, — подумал, уже почти теряя сознание. — Этот тоже только выбросить теперь».

Очнулся на кровати в госпитале. Посмотрел на забинтованную руку и вспомнил, что пальцев у него теперь нет. «Надо как-то привыкать к такому новому состоянию тела. Ничего, пальцы не голова, и даже не рука», — утешал он сам себя. А вслух на всю палату громко шутил:

— Полпальца потерял, вторые зачем-то с собой притащил, думал, может, пришьют куда-нибудь. Оказалось, зря. Не пригодилось.

Соседи по палате гоготали в ответ:

— С такими, как ты, Михалыч, болеть и то — весело! Если помирать рядом с тобой придется, то и не поймешь от чего: от боли или от смеха.

Литовченко с серьезным выражением лица отвечал насмешникам:

— Ржите, ржите, жеребцы. Не дождетесь! Вот такой вам мой отрицательный ответ.

И вот Василий своего часа дождался. С большим воодушевлением воспринял он 24 февраля 2022 года:

— Ну вот, теперь мужики в Славянск вернутся! — сказал удовлетворенно. И вздохнул. — Жаль, без меня...

Каждый день до поздней ночи он пялился в телевизор, стараясь ничего не упустить. Радовался каждой весточке, полученной оттуда, ловил каждую мелочь. Поначалу, когда показывали чуть ли не каждую самую малую деревеньку, которую освободили российские войска вместе с союзными ЛДНР-овцами. И даже на работе у себя карту Украины на стену повесил, специально нашел большую, географическую. На ней разноцветными флажками отмечал все действия наших войск, все удары. Цветным карандашом вычерчивал линию фронта, — всю информацию на нее наносил, которую из официальных сводок Министерства обороны черпал, сводки эти чуть ли не ежечасно по каналу «Россия-24» передавали.

Как-то Галчонок его спросила, чего, мол, дядя Вася, по старинке — флажками, как в кино? Сейчас такие карты в Интернете

на многих сайтах есть, причем интерактивные, все на них в онлайн режиме меняется. Удобно. К тому же, там не только карты, но и фото, и видео — полно.

— Это вам все виртуально, все онлайн... А здесь, как в реальности, все — своими руками отметил, как будто через себя пропустил. Вот оно у тебя и отложилось. А на компьютере что?.. Надоела тебе информация — ты компьютер отключил и забыл все, «с глаз долой — из сердца вон». С картой так не получается, здесь, как в жизни, хочешь — не хочешь — всегда все перед глазами. Порой и хотел бы забыть, да где уж... А насчет картинок, так их и по жизни, и в «зомби-ящике» — пруд-пруди, телевизор-то я дома, поди, смотрю...

Не согласна Галя в этом с Михалычем, все там, в Сети, наглядно — не флажки на карте! — но в одном прав он, многое там в говорильне увязло, как любое хорошее начинание. Конкретики мало стало, больше обсуждений, прогнозов. Мусолят одно и то же, да еще и моду взяли перебивать друг друга, а то и орут, как торговки на базаре: мол, почему туда, а не туда наступают? А вот если вот так!.. Словом, «стратеги диванные» — воду в ступе толкут да из пустого в порожнее переливают.

Ну, сказали один раз то, что давно понятно, американцы за этим за всем стоят — они рулят всем, а сами сидят за океаном, колу попивают да смотрят, как славяне славян убивают. Да еще и Европу эту, насквозь прогнившую, в ту же топку запихнуть норвеят. Им британцы со своих островов тоже во все глотки подтягивают, однако и те сами ввязываться не спешат. Зачем, мало, что ли, украинцев и прочего «расходного материала» из бывшего соцлагеря...

Непонятно ни Гале, да и Михалычу тоже, похоже: зачем это целыми днями из телевизора нагнетать, да со всех сторон обсаживать, чего людям мозги попусту грузить своими прогнозами да предположениями, люди и сами во всем этом не хуже вас разберутся. Вы факты давайте, а то все — «то да потому»... Порой вообще смотреть стыдно: смотришь, какой-то один «эксперт» что-то сказал утверждающе, второй то же самое, только другими словами повторил, слово за слово, в итоге тут же в студии сцепились, ведущий едва растащил...

Сказали бы просто, мол, на фронте то-то и то-то, такая ситуация на сегодня... Как Левитан в Великую Отечественную — факты, конкретика... да поправдивей, полевитанистей: «Говорит Москва!..»

Только где там! Почему-то принято считать, что народ без повторений многократных да внушений ничего не поймет. Вот и сидишь в итоге, как дурак, перед этим «ящиком» в надежде из всей этой словесной шелухи да перебранки хоть что-то реальное выцепить. Нет, не зря, не зря все эти передачи у них ток-шоу называются. Так и живем, кому война, а кому — одно сплошное ток-шоу...

Частенько сетовал Василий Михайлович после таких шоу и на себя, и на руку свою искалеченную, на то, что сам на Донбасс нынче не может:

— Хоть и староват для войны, но это ладно бы — старый конь, как известно, борозды... А вот пальцев, чтоб на курок надавить да перекреститься, нет — это уже серьезно.

Однако и теперь не хотел он оставаться в стороне, старался, чем мог, быть полезным тем парням, тем контрактникам, которые сегодня освобождали Донбасс и Луганск — ту землю, где он когда-то свои пальцы оставил:

— Гляди-ка, не зря пальчики там посеял! Взошли, поднялись родимые, аукнется еще нацикам наша кровушка!

— Дядь Вась, а можно я сегодня тебе денежки с карты переведу? С телефона, — это Галя его спросила, как-то нахмурившись. — А то с наличкой сегодня не задалось.

— С карточки, говоришь? С телефона? — Василий Михайлович сразу заметил, что она чем-то озабочена, потому улыбнулся и добавил по-доброму: — Конечно, Галчонок, тебе все можно.

Девочка достала из кармана свой смартфон:

— А у тебя счет на «Сбере»? А, дядь Вась? А номер на 20–22 заканчивается? — и увидев, как Василий Михайлович утвердительно кивнул: «Ну да, как год нынешний...», — стала сосредоточенно тыкать пальчиком в экран.

— Ну вот, «Василий Л.». Так? Тысяча рублей... Ловите.

— Ты уж хоть не каждую неделю бы... Самим, поди, денег не хватает, — Литовченко сказал осторожно, чтобы невзначай

не обидеть, хотя знал уже, убеждать Галю бесполезно. Искренне понимал и ее горячее желание помочь тем, кто сейчас там, на передовой, вместе с ее мамой. Но для порядка все же поворчал.

— Ниче, прорвемся, дядь Вась! Папка у нас сейчас хорошо зарабатывает. Живем — ни в чем не нуждаемся. Он теперь на сдельщину перешел, там вкалывает. Заказов у них сам знаешь сколько. Считай круглосуточно на армию работают. А мамке... да и вообще нашим там, любая копейка лишней не будет.

— Да-а... — со знанием дела согласно выдохнул Литовченко. — Прорвемся, Галчонок! Сейчас там действительно каждая банка консервов на счету, каждый снаряд. Это здесь, чтобы его, снаряд этот, сделать, несколько человек не один час работают, а там он раз — и улетел в никуда. БК на передовой быстро заканчивается, быстрее, чем провизия.

— А БэКа — это что?

— Боекомплект. Как раз то, что твой отец на заводе делает.

— Почему это «в никуда»? По нацикам! — Галя безапелляционна, и ясно дала понять, что не сомневается — все именно так будет, и иначе даже быть не может. Никаких — в никуда, только в цель!

— Да, да... Конечно. По ним, по проклятым, — как-то легко и покорно согласился с девочкой Литовченко, и, услышав «пик-пик» своего мобильного, бросил взгляд на дисплей. — Ну вот, Галчонок, видишь, упала на счет и твоя тысяча. Как раз завтра за консервами на базу поеду. Вот и отправим твоей мамке помощь.

— Кстати-и, тут вот еще, дядь Вась... — Девочка протянула Литовченко альбомный листок. — Гога нарисовал. Попросил, чтоб я мамке отправила через тебя. Малой он еще, глупый. Не понимает, что к маме вряд ли попадет. Но ты все равно в коробку какую-нибудь упакуй рисунок этот вместе с продуктами. Может, кто-то из наших получит картинку эту, своих домашних вспомнит, сам порадуется хоть чуть-чуть, друзей порадует...

Василий Михайлович внимательно рассмотрел рисунок:

— Молодец парень! Зря ты, Галчонок, на брата напраслину говоришь. Ты уж определись как-то с ним — либо он взрослый у тебя, либо глупый. Ведь, судя по рисунку, все здесь есть, что человеку для мирной жизни нужно: вот семья, вот дом, вот небо.

Нет, правильный парень растет. А рисунок я обязательно вложу! И по поводу попадет к маме — не попадет, как знать, чего только в жизни не случается.

— Твоими устами, дядь Вась...

— Моими-то? Пожалуй, уже только горькую. Мед свой я отпил, да, как говорят, не в коня корм, — Литовченко усмехается, но в этот раз как-то не совсем весело.

— Ты это, дядь Вась, с горькой-то... того, не балуй!

— Ну ты прям журишь меня, как бывало мои девчонки, пока живы были, — Литовченко опять усмехается с горечью. — Лучше вот что посмотри. Ты тут сказала, а я вспомнил: нам вчера как раз учительница школьная тоже рисунки принесла. Пятиклашки специально для солдат на уроке рисовали. — Он протянул Гале пачку альбомных листов. — Я что подумал сейчас: разложим их, рисунки эти, тоже по одному по посылкам, пусть там, на передовой, люди о доме, о семье вспомнят. Для них каждая весточка отсюда — как лучик тепла. Всегда важно верить и знать, что о тебе кто-то помнит, что ждут тебя... — и, немного помолчав, добавляет. — Я-то знаю...

Василий Михайлович замолкает, думает о чем-то своем. О чем, Галя спросить не смеет, потому как понимает: если захочет человек выговориться, сам все расскажет.

Но, видно, не хочет Василий Михайлович сегодня рассказывать, потому, помолчав, спрашивает Галю, переводя разговор:

— А что, Галчонок, мама-то давно звонила? Где она нынче там?

— Звонит-то редко, — Галя тоже задумывается, напряженно подбирает слова. — Чаше по «Ватсапу» пишет: жива. Терпимо, мол, все у них. Чтоб мы не волновались. Гоге привет шлет, передает, чтоб меня слушался и учился хорошо. Ну а как там на самом деле, где стоят, про то, сам знаешь, им ни говорить, ни писать нельзя. Военная тайна.

— Эт-т точно, тайна за семью печатями, — соглашается Литовченко и, немного помолчав, добавляет: — Ладно, заболтались мы, Галчонок. Пойдем, что ли, посылки пособираем немного, а то завтра партию груза отправлять нужно, а мы ее и скомплектовать толком еще не успели.

— Лады, дядь Вась, пошли.

Действительно, настроение у Гали сегодня неважное, не зря Литовченко это подметил. Не то чтобы что-то особо плохое сегодня произошло. Просто неожиданная неприятная для нее встреча с бывшим одноклассником. С Тимом Фоминым.

Точнее Тим — это так, для выпендрежа. Просто в классе все пацаны его так называли — Тим. Вообще-то Артем он. Но Тим ему почему-то больше нравилось, наверное, думал, что более звучно. Гале, конечно, все равно, что Тим, что Артем. Но, на ее взгляд, Артем все же лучше, более серьезно звучит, более по-взрослому. А то — Тим, Тим, — как щенка подзываешь.

Она еще с первой их встречи подметила: парень самоуверенный, смазливый на мордочку, но задается. Наглый, хотя на нутро и гниловатый. Она таких не то чтобы не любит, просто относится к ним, ну, — никак.

К тому же, Тим этот на всех своих одноклассников свысока смотрит, видимо, нравится ему, когда перед ним лебезят и заискивают.

Когда Галину маму перевели служить в госпиталь в военный городок, который в этом районе находится, девочка в новую школу вынуждена была пойти. Поближе к месту маминой «дислокации». Конечно, волновалась сильно, все подружки ее в прежней школе остались, переживала: как примет ее новый класс? Сумеет ли подружиться с кем-нибудь?

В первый же день к ней сразу же прилипла девчонка. Худенькая, востроносая, чем-то на лису похожая. По крайней мере, Галя так ее сразу окрестила — «лисичка-не сестричка», а первое впечатление, оно, как известно, самое верное.

Бойкая эта ее новая знакомка и немного развязная. Сразу спросила, критически окинув Галю взглядом:

— Новенькая?

— Ну да.

— Ну-ну, — она еще раз придирчиво осмотрела Галю, — толстовка... Russia?

— Россия.

— А зовут как?

— Кого? Толстовку?

— Ой, не могу, расхохотала. Толстовку! Тебя, конечно.

— Ну, Галя.

— А я — Алиса, без «ну». Но не та, что из страны чудес. Потому что я — сама чудо. А одета ты правильно — норм. В такой одежке с тебя здесь за шмот никто не спросит.

— В смысле?

— Да в том самом. Ты че, совсем темная? Не сечешь ситуацию?

Галя действительно не секла, она почувствовала, что ей срочно требуются какие-то пояснения по поводу всего сказанного ее новой знакомой, поэтому предпочла честно признаться Алисе:

— Не секу, — и не удержалась, съязвила все же: — Проясни базар.

— Ха... Базар. Молодец, быстро схватываешь, не тушуешься! — Алиса продолжила: — Короче, слушай так, раз говорю, больше не повторяю! Если ты надела футболку Fred Perry, Томту или... — и новая одноклассница буквально вывалила на Галю еще целый ворох названий иностранных брендов, — за такой шмот могут и спросить — право носить его имеешь? — заметив вопрос в глазах собеседницы, добавила: — Короче, в глаз получишь, если не убедишь, что имеешь!

— Почему?

— Такие футболки раньше скины носили, оттуда все. Вот они и спрашивали у лохов, если ты не скин, зачем футболку позоришь? А если к тому же прикид у тебя паленый, Китай какой-нибудь или другая хрень, то и футболку еще порвут или в лоскуты изрежут.

— Зачем?

— Да потому что нефиг всякую паль носить, нормальных людей своим видом оскорблять!

Галя с интересом слушала свою новую знакомую, не то чтобы на ус мотала, но все-таки небезразлично ей в каком «курятнике» теперь жить и учиться предстоит: «Паль, хрень... А школа-то однако элитной считается», — усмехнулась про себя она. Между делом заметила, что и сама мысленно переходит на этот Алисин сленг: «не секу», «базар»... Улыбнулась — с кем поведешься.

— Ну, короче, как-то вот так. И главное, ты с Тимом и его командой не конфликтуй, — закончила свою воспитательную работу Алиса. — Тогда все норм будет.

— Ты хотела сказать с Тимуром?

— Ну да, скажи еще — с Гайдаром. Или с Чубайсом. С Тимом Фоминым, я ж ясно глаголю!

— Да в целом ясно. А Тим — это кто? — на всякий случай спросила Галя.

— Да вон они стоят, — Алиса кивнула на стайку ребят, которые собрались в самом дальнем углу класса. Они явно кучковались вокруг белобрысого красавчика, что-то рассматривая в его руке. Присмотревшись, Галя довольно просто определила, что этот белобрысый и есть тот самый Тим, о котором Алиса ее предупредила.

Тим с видом явного снисходительного превосходства, как бы нехотя, демонстрировал кучке окруживших его парней, видимо, свой новый крутой айфон. Один из свиты, чернявый парень — как позже Галя узнала от той же Алисы, Свищ или Олег Свищев, тоже мажорчик, но калибром помельче, нежели Фомин, — спросил оценивающе, хотя и подхалимским тоном с плохо скрываемой завистью в голосе:

— Одиннадцатая модель?! Дорогой, верно?

— Одиннадцатый! — ответил Тим после некоторой паузы. Он, конечно, заметил, как смотрит на него чернявый, но вида не подал, только немного посмаковав его завистливый взгляд, добавил нехотя. — Да нет, пятьдесят две штуки... рублей.

— А хар-ки?

— iOS 13. Память сто двадцать восемь гиг и еще четыре оперативки. Емкость три сто десять. Две камеры.

«Конечно, не каждые родители могут позволить своему чаду такую игрушку купить», — отметила про себя Галя.

Первого сентября, собираясь в школу на встречу, Артем спросил свою мачеху:

— Алена, а где мой новый айфон? Не знаешь?

Алена Владимировна, новая жена отца, молодая, старше Артема на каких-то двенадцать лет, поэтому Тим с ней сильно не це-

ремонился, называл запросто Аленой. Ничего, потерпит, до Владимировны не доросла еще.

— Наверно, там, где ты его вечером положил, — мачеха громко, но слегка насмешливо ответила ему из своей комнаты.

Перекрикиваться во весь голос из комнаты в комнату у них с Артемом было в порядке вещей.

— Алэн, ну, позвони, а... На мой номер.

— Ну чисто детский сад, — сказала мачеха, видимо, нехотя набирая его номер. — Младшая группа!

Где-то в прихожей слышались громкие звуки государственного гимна.

— Ты бы хоть этот свой музприкол убрал. Поставь нормальную музыку на входящий. Допрыгаешься — спросят!

— Спросить! С меня! Я сам с кого хочешь спрошу! А гимн сегодня в тренде — ниче не сечешь.

— Ну-ну. Кичится поп, что патлы до попы.

Вредная она, эта Алена, каждый раз норовит подколоть его. Отец недавно на ней женился, а так лет пять после смерти матери один жил, не сказать что затворником, приводил, конечно, всяких таких, но старался все же, чтобы с Артемом дамочки эти не очень-то пересекались. Вечером попозднее приходили, когда Артем уже в своей комнате ко сну готовился перед телевизором, утром такси вызывал и выпроваживал их пораньше, пока сын еще спал.

А эту, Алэну, как-то привел, да так она и осталась у них. Теперь вот официально с отцом расписались, даже в церкви повенчаться успели. Артему, конечно, все равно, пусть батя с ума сходит, коли невтерпех. Только вот очень уж она его, в смысле батю, к рукам прибрала. Потому-то Артем Алэне дерзит, не спускать старается ее подколов:

— Сама-то давно в первый класс перешла! Вос-пи-та-ательница...

Алена мимо ушей пропускает, но видно, что не преминет и обязательно припомнит при случае. Хотя бы тем отыграется, что от него, от Артема, отцовское внимание по максимуму на себя оттянет. В последнее время батя из-за ее этих хитростей не до Артема почти. Заглянет он иногда к сыну в комнату, спросит:

— Ну как дела, сын?

— Норм, батон.

— А учеба?

— Тоже норм.

— Ну ладно. Не запускай только.

Он и не запускает. Хоть и не в интерес ему учеба эта, но учится ровно: по всем предметам четверки да пятерки. Учителя Тима уважают, а директор школы, так тот все время поздороваться норовит:

— Здравствуй, Артем, — персонально по ручке. — Как у отца здоровье? Что-то он давненько к нам в школу не заходил.

Конечно, беспокоится. Ведь пока Артем здесь учится, отец школу щедро спонсирует: компьютеры вон новые подарил, парочку в класс информатики, и так — если деньги на ремонт класса нужно, тоже никогда не жадничает. При его оборотах в его бизнесе — это копейки.

Батя рыбзавод в свое время успел к рукам прибрать, в мутные чубайсовские времена. Ваучеры по дешевке скупил, их за акции завода отдал, немного своих денег в ремонт цехов вложил, оборудование кое-какое новое прикупил, со старыми друзьями своими камчатскими, с которыми еще по молодости на путинах калымил, связь наладил, в смысле снабжения рыбой, — теперь они партнеры. И заводик этот нынче доход неплохой их семье приносит. Живет батя — не печалится, да и Тима не обижает, теперь вот и Алену эту. Словом, заводик — место действительно рыбное, на всех хватает. И чего ж директору школы о батином здоровье не справиться.

Одноклассники Артема тоже «уважают», кто-то заискивает, а кто-то и вовсе побаивается. Вот Тимом называют, ну и правильно, пускай! Ему-то что, даже приятно.

В этом году в класс к ним сразу две новеньких пришли. Конечно, надо сразу дать им понять, кто здесь, в классе, а то и во всей школе, — главный. Но так, чтоб кто-то это другой сделал, не он сам.

Одну из этих «мочалок» сразу трещотка Алиса в оборот взяла, объяснила ей, что к чему, какие тут порядки. Ничего, пусть разумеет, может, дойдет что-то до этой метелки с хвостиком. А вторая, она вон, притихла в уголке, сжалась воробышком.

— А футболка-то у нее Томму! — это Свищ Тиму подмигнул. — Только Китай там, не иначе.

— Так че мы стоим тогда? — Тим посмотрел на парня с ухмылкой. — Давай, тащи ножнички, сейчас покоцаем.

— Где их взять-то? — Свищ от неожиданности растерялся даже.

— Да хоть у директора школы иди спроси, — пренебрежительно хмыкнул Тим и выжидающе уставился на Свища. — Ну!..

Тот сжался, засуетился, видимо, не зная, что ему дальше делать: шутит дружок или серьезно наехал.

Но тут он увидел Галин старенький «Самсунг», который лежал на парте, и зацепился за него как за спасательный круг, чтобы как-то вынырнуть из этой неловкой двусмысленной ситуации:

— А глянь-ка, Тим, какой кирпич! Ему давно на помойку пора. Ща выкину схожу! — Свищ, усмехаясь пошел к окну, наблюдая за реакцией Гали.

Недолго думая, Галя быстро подошла к Артему, вырвала у него из рук крутой айфон. Тим явно не ждал от нее такой прыти и застыл в недоумении.

— Эй ты, Свищ, или как там тебя! — Галя, обращаясь к Свищеву, подняла высоко вверх руку с зажатым в ней Артемовым айфоном. — Быстро положил мой телефон на место! Не дай бог кинешь, и айфон дружка твоего следом полетит. Или об пол его сейчас грохну! — заметив, что чернявый застыл от такой неслыханной наглости, добавила: — Не сечешь, что ли? Быст-ро!

Галя и сама от себя такого не ожидала. Сами виноваты, довели. Наверное, вид у нее был действительно грозный и убедительный, потому что даже в глазах Тима она увидела растерянность:

— Ты! Ты... Отдай лучше! Не расплатишься ведь, дура.

— Расплачусь, не заплачусь — не твоя печаль. А кто из нас дурак, мы еще посмотрим!

Свищ замер, ждал, что ему Тим на это скажет, будто гончая, стойку принял. Фомин, сжал губы, поморщился, но собрался и пренебрежительно бросил Свищу:

— Отдай.

— Может, ей это, того... лучше под зад пнуть? — с надеждой посмотрел Свищ на Тима.

— Отдай, сказал! — Артем резко развернулся и, как будто ничего не произошло, стал разговаривать с кем-то из окружавших его парней.

— Н-на! — Свищ небрежно положил Галин смартфон на парту, хотел что-то добавить, но глянул на нее зло и осекся.

Дошло, видимо, коли даже Тим спасовал, за него не вступился — от этой бешеной чего угодно ожидать можно. Подошел было ко второй новенькой, хотел за футболку рвануть, девчонка сжалась испуганно, однако Галя, уже почувствовав вкус своей нечаянной победы, пригрозила Свищу:

— Отстань от нее! Сам напрашиваешься.

Он еще раз зло сверкнул глазами в Галину сторону и отошел от греха подальше к своей компании.

Новенькую девочку, за которую вступилась Галя, звали Татьяна. Они сразу подружились и с самого первого дня крепко держались друг друга, хотя, если точным быть, это Татьяна держалась за Галю, с первых же минут почувствовала в ней защитника.

Отец новой Галиной подружки токарил на том же оборонном заводе, что и ее папа, мама работала в небольшом магазине продавцом, то есть на статус мажора Татьяна никак не тянула, как и Галя. Крутыми гаджетами и шмотками, которые были у большинства их новых одноклассников, ни Галя, ни Таня похвастаться не могли. Поэтому приходилось, подбирая вещи и одежду, довольствоваться заполонившим магазины обычным китайским ширпотребом. Качественные вещи китайцы делать научились — и прилично, и недорого, — но все равно «тимовцы» относились к этим подделкам под западные бренды с высокомерием. «Палево», — презрительно кривились они.

Не сказать, что это сильно Галю угнетало, но все-таки... Хотелось ей иногда что-нибудь такое, покруче, чтобы взять и утереть нос всем этим мажорам. Помнит она, как однажды устроила маме истерику из-за телефона. Присмотрела себе в комиссионке сравнительно новую модель, и недорого, как ей показалось.

Конечно, айфон классом ниже, чем, скажем, у Тима. Не новый, с небольшим дефектом, но зато — всего за тридцатку. Она долго не решалась, и все-таки желание иметь этот айфон взяло

верх, в конце концов, Галя отважилась сказать об этом маме. Хотя и предвидела ее реакцию. У мамы округлились глаза:

— Ско-олько!!! Трид-цать тысяч? Всего-то?! Слышишь, отец, девушка наша шикарно нынче живет! А Гошку в школу на какие шиши собирать будем?

Отец промолчал по обыкновению, только недовольно покачал головой.

— Конечно! — взорвалась Галя. — Всегда у вас так — все для Гоги! А то, что у всех в классе айфоны, одна я — нищенка!

— Прямо уж у всех? Твой смартфон тоже нормальный, по крайней мере, все поддерживает — и Интернет, и почту.

— Конечно поддерживает! Кирпич — он кирпич и есть!

— Ну, извиняйте, бананьев у нас нема, — мама развела руками. — Ничего, обойдешься пока. Потерпишь, — и твердо добавила: — Сейчас лишних денег у нас нет!

— Для меня у вас всегда нет, — пробурчала Галя обиженно и заперлась в своей комнате.

Уже потом, успокоившись, поняла, конечно, что преувеличила она свои страдания. Вон у Таньки тоже телефон старенький, еще кое у кого в классе, всякие есть. Но ведь хочется, хочется же покруче!

Тем более, что после того первого дня в новой школе Галя почувствовала к себе некоторый холодок со стороны большинства одноклассников. Она даже подозревала, вернее, почти наверняка знала, кто этот холодок вокруг нее «подогревает». Конечно же, это все Тим и его подпевалы, такие, как Свищ. Тот вообще буквально из кожи вон лезет, чтобы поддакнуть дружку и унижить ее при всех, потому что понимает: во многом его авторитет в классе зависит от Фомина.

Впрочем, сам Тим вообще делает вид, что Гали для него не существует, так, пустое место. А эти пресмыкающиеся — Свищ и иже с ним, то ли из желания угодить Тиму, то ли чтобы тоже в изгой не попасть, время от времени ей какие-нибудь мелкие пакости делают — то кнопку на стул подсунут, то и вовсе стул мелом измажут, то какой-нибудь мусор в ее рюкзак тайком натолкают. Однажды дохлую мышь подложили, думали, испугается, закричит. Не испугалась. Внимательно посмотрела на всех, поняла: Свищ это сделал. Спокойно усмехнулась:

— В следующий раз на физре мышь эта, скорее всего, в твой кроссовок залезет, — и бросила мышку ему. — Лови!

Свищ вздрогнул от неожиданности. Возможно, не веди она себя так вызывающе, не противопоставляй себя этим «моральным уродцам», как она их для себя окрестила, они бы успокоились со временем. Но Галя — гордая, почему она должна перед ними слабинку показывать?!

С некоторого времени она заметила, что даже подружка Таня как-то стесняться Гали начала. Кучкуется больше с Алиской да с тимовскими прихвостнями, а от Гали в стороне держится, вроде и разговаривает с ней, а сама оглядывается, не видит ли этого Фомин или кто-то из его дружков, не донесут ли ему. И они все — даже Олег Свищев, который всех презирает и только перед Тимом хвостом вертит, в последнее время с Татьяной общаются. Не то чтобы совсем ее в свой круг впустили, конечно, и разговаривают свысока, но рядом со своей стайкой находиться позволяют. Татьяне и этого, видимо, достаточно, хоть не трогают, гадостей ей не делают.

А вот Галя совсем одна осталась, словом перекинуться ей в классе не с кем. Да и о чем? Весь интерес у них сводится к тому, чтобы шмотками да гаджетами померяться, кому родители что крутое купили, куда на курорт свозили. Как-то Галя пригласила подружку Таню в кино. Та замялась:

— Да ты знаешь... Мне сегодня некогда.

— А что так?

— Да... у Алиски сегодня день рождения. В кафе пригласила.

— Понятно.

Словом, невеселая жизнь. И когда вопрос перед Галей встал ребром, куда ей после девятого класса податься — в десятый или в колледж, она ни секунды не сомневалась. Нужно профессию приобретать, если жизнь так складывается. Родители, конечно, не восторженно это ее решение восприняли, но она упертая — в колледж, и все тут! А про себя добавляла: хотя бы ради того, чтобы эти рожи подхалимские не видеть.

Поступила Галя в колледж и не пожалела. Здесь постепенно открыла она для себя, что учиться, оказывается, бывает интересно. Особенно ей спецпредметы понравились. Слушая

лекции — будь то теоретическая механика или сопромат, она четко понимала и представляла, для чего это ей нужно, как этим можно будет пользоваться. Не то что в школе: вроде что-то узнаешь, но абстрактно все, непонятно, зачем? И как потом эти знания в жизни применить?

Удивительное дело, всего второй год она в колледже учится, а уже твердо знает, обязательно надо его с красным дипломом окончить, а после — в институт.

В тот день Гале, как обычно, заказали две пиццы с уже знакомого адреса. Она знала, заказывает там постоянно одна и та же женщина, моложавая, красивая. Зовут ее, кажется, Алена Владимировна, это Галя подсмотрела, когда набирала на складе заказ, в журнале приема диспетчер обязательно все записывает. А Гале это тоже нужно знать, потому что вдруг какой-нибудь вопрос возникнет, как к клиенту обратиться? Не будешь же безлико или «эй, ты». Лучше в таких случаях по имени-отчеству называть.

Впрочем, в этом доме проблем никогда не случалось, женщина и рассчитывалась с ней всегда сама, всегда наличными, всегда без лишних слов. Спрашивала только:

— С грибами?

— Да. Две, как заказывали.

— Сколько с меня? Двести?

— Двести рублей!

И никогда хозяйка не забывала поблагодарить:

— Спасибо.

— Пожалуйста.

А вот в этот день мелких денег у нее не случилось, и у Гали сдачи с тысячной еще не набиралось, она сегодня только-только начала развозить заказы.

— Извините. Сейчас все решим, — женщина заглянула в одну из комнат, и Галя услышала, как она с порога громко спросила кого-то: — Слышь, малой, у тебя мелочь есть? Двести рублей.

— Есть, только мне ж отец на кафешку дал. Вечером с пацанами собрались.

— На вот тебе тысячу на кафешку. А ты из своих, пожалуйста, с девочкой за пиццу рассчитайся. Так и быть, одну — тебе отдам.

— Ла-адно, рассчитаюсь, — по голосу слышно было, что «малой», к которому Алена Владимировна обращалась, не очень-то этим доволен.

А хозяйка, как обычно, вежливо поблагодарила Галю, и ушла. Вот тут-то из комнаты и появился Артем Фомин! Этого Галя никак не ожидала. Конечно же, она знала, что живет он где-то в этом районе, но чтобы вот так вот неожиданно столкнуться с Тимом в его квартире лицом к лицу!.. «Повезло же!»

— Ты-ы?! — по тому, как он застыл с широко открытыми глазами, было видно, что и Тим искренне удивлен.

— Нет, не я, пицца! — усмехнулась Галя, сдерживая неприятное раздражение внутри, впрочем, ей быстро удалось взять себя в руки.

Артем что-то буркнул, недовольно опустил глаза, нехотя хмуро покопался в карманах висевшей в гардеробе ветровки, достал и подчеркнуто небрежно кинул ей на небольшой столик, стоявший здесь же, в коридоре, пару скомканных купюр:

— На вот. Сдачи не надо.

Галю жест неприятно зацепил: она сюда, в конце концов, не за подачкой пришла, чего швырять-то. И сама не знает, как у нее вырвалось:

— Слышь, себе оставь. Потом, когда заработаешь САМ, отдашь, — Галя спокойно и одновременно подчеркнуто презрительно произнесла это «сам».

У Артема просто челюсть отвисла. Да, он знал, что эта дикая нищевродка, бывшая его одноклассница, может дать отпор, не забыл и ту историю со смартфоном, поэтому он и предпочитал не связываться, просто презрительно не обращал на нее внимания. А тут нос к носу, и это спокойное презрительное «когда заработаешь САМ»! Какое-то время он так и стоял, опешив, даже после того, как Галя вышла из квартиры и захлопнула дверь.

— Рассчитался с девочкой? — это Алена выглянула в коридор.

— А-а?

— Чего тормозишь? За пиццу, спрашиваю, рассчитался?

— Да-а... Конечно. Рассчитался, — неуверенно соврал он.

Вечером, после того как они с Василием Михайловичем полностью управились на складе — собрали и подготовили всю партию гуманитарки, Галя возвращается домой обычной дорогой: заходит в магазин рядом с небольшой кафешкой в соседнем доме, чтобы купить Гоге чипсы.

Сегодня, как всегда, там за столиком в летнике тусуется Фомин со всей своей бандой. Как всегда, громко орет музыка, парни курят, о чем-то слишком громко разговаривают, перекрикивая музыку и друг друга.

«Видать, опять пивка лишку хватанули», — отмечает про себя Галя.

Забавно, все они, как на подбор, — в черных футболках с символами Z и V. Совсем недавно такие же футболки подарил дядя Вася и Гале, и всем другим ребятам-помощникам из колледжа. Добрый он дядька, не иначе как на свои деньги футболки эти специально купил, чтобы хоть как-то ребят отблагодарить. Она и сейчас в этой футболке с буквой Z. Тоже какая-никакая поддержка тем, кто там, на передовой.

«Надо же, и эти туда же. Золотая молодежь, — грустно, но не зло усмехнулась она про себя и невольно съязвила. — Не иначе, как в свете всех последних событий нынче такие футболки в тренде, если даже эти отметились. Да-а, взрослые уже вроде мальчишки, через год школу окончат, а ведут себя как... Гога и то, пожалуй, повзрослее и поумнее этих будет».

Подумала так и даже пожалела их. Чем занимаются? Что у них за проблемы, что за заботы? Кучковаться вот здесь, пиво халкать, горлопанить, айфонами меряться — в этом главный смысл?!

Да нет, все это от безделья, от отсутствия настоящих серьезных проблем, которые ей, к примеру, каждый день решать нужно. А эти в стайки сбиваются, а поодиночке — что каждый из них из себя представляет? Что может?

Вернувшись домой, Галя почти сразу, передохнув от силы минут десять, начала готовить ужин своим мужикам. Отец вот-вот с работы приедет, Гога тоже с улицы подтянется, Галя, проходя, издали видела, как он сейчас на детской площадке с пацанами футбол гоняет.

Закончив с готовкой, она садится за курсовую работу, настраивая себя: надо! Надо сегодня срочно доделать, завтра зачет.

...Ну, вот и все, кажется. Так она вжилась с головой в этот чертеж, сначала мысленно, потом на листе ватмана кроила стальной лист — чтобы максимум деталей из него получить и при этом в допуски попасть, что не заметила, как вернулся с работы и поужинал отец, как Гога тоже поужинал и спать лег.

«Молодцы, мужики, посуду за собой помыли», — машинально отметила она, заглянув на кухню. И почувствовала, что глаза у нее начинают закрываться сами по себе, вот-вот уснет прямо на клавиатуре компа.

«Гога — тот уже мирно посапывает на своей кровати, отец тоже, похоже, уснул, только телевизор бурчит что-то про Украину у него в комнате. Куда стреляли, куда попали, чего и сколько уничтожили, это по делу, это все Конашенков рассказывает...», — думает Галя.

Курсовую она уже закончила, а военную сводку еще днем в офисе у Михалыча на карте видела. Галя тихонько, чтобы не разбудить отца, заходит к нему в комнату, выключает телевизор.

Можно и спать ложиться. Но есть еще одно дело, которое ей непременно нужно сделать сегодня. Она умывается специально очень холодной водой, чтобы глаза поменьше слипались, наливает крепкого чая и снова садится к компьютеру, пишет:

«Милая мамочка! Знала бы ты, как нам с Гогой без тебя тяжело, как скучаем! Нет, не думай, я не жалуясь. Гога наш подросток, совсем вредный стал, огрызается. Приходится иногда ему и подзатыльник давать, иначе не переубедишь. Но это редко, чаще все-таки он меня пока слушается. А вообще, живем мы дружно. Скучаем только. Отец работает много, домой усталый приходит, поест — и спать. А утром опять на работу. Я тоже работаю, но ты не волнуйся, на учебе это не отражается. Все успеваю. На хозяйстве у нас главный — Гога. Я ему список с утра пишу, отец деньги оставляет, а Гога днем сам все продукты на семью закупает. Вечером прихожу — готовлю, так что они с отцом у меня голодными не сидят. Да и Гога сам уже научился кое-чему, к примеру, яичницу поджарить вполне может. Так что днем,

если перехватить что-то, он себе и сам сообразит. Глядишь, в скором времени и суп варить научится.

Ты прости нас, мамочка, что мы часто не слушались тебя, расстраивали из-за всякой ерунды. Теперь-то я прекрасно понимаю: ну, не нужен был мне этот дурацкий дорогой айфон, футболка эта Tommy. У меня теперь другая есть, с буквой Z, дядя Вася подарил, Литовченко, чтобы я и тобой, и всеми нашими солдатами гордилась. А капризничала я тогда только из вредности и по недомыслию. Хотелось, наверное, быть не хуже других. А на поверку оказалось, что определяется это не крутым телефоном, не шмотками, не тем, что на них написано. А тем, что ты сам из себя представляешь. Что ты по жизни делаешь, с чем живешь, кого любишь, что защищаешь. И все это сегодня, сейчас, с тобой, с нами со всеми происходит...

Мама, милая, мы с Гогой гордимся тобой! Вы там побеждайте скорее. И возвращайся.

Твои Галя и Гога».